

Младший из Воробьевых мечтал сыграть Молчалина, а выпало - Скалозуба

Впрочем, ему нравится менять о себе мнение окружающих

Сцена. - С. - Пб. - 1996 - 31 июля. - С. 7.

ПРОИЗНОСЯ его фамилию, все время готовишься к sacramentalному вопросу: "Который из Воробьевых?" Вариантов ответа по меньшей мере три: театральный и кинорежиссер Владимир Воробьев - папа; Константин, артист Молодежного театра на Фонтанке - брат. Но сегодня мы имеем в виду Дмитрия, который вышел на подмостки Александринского театра всего несколько лет назад.

Когда-то на вопрос радиожурналиста: "Какую роль вы хотели бы сыграть?", он, не задумываясь, присоединился к хору сокурсников: Гамлета. Но началась творческая биография, как это обычно и бывает, отнюдь не с принца датского. Похоже, младший представитель династии Воробьевых не спешил завоевывать императорскую сцену, предоставив событиям идти своим чередом. Помаячил влюбленным барабанщиком в спектакле "Любовь, джаз и черт", прошелся по студенческому "Эскориалу" тенью, чтобы вскоре обрести черты неожиданно "прыгучего", суетливого Бальзамина.

Но однажды из-под маски появилось лицо...

То был Печорин, герой нашего времени с подозрительно равнодушным взглядом. Меньше всего его заботили отношения с миром, но не давал покоя разлад с собой. Умение равновесно существовать в пограничном состоянии между апатией и вспышками отчаяния разглядел в нем режиссер Анатолий Праудин. Спектакль "Месье Жорж. Русская драма" по мотивам произведений Лермонтова открыл доселе незнакомого Дмитрия Воробьева.

Потом он сыграл Леонидика в праудинской постановке пьесы Арбузова "Мой бедный Марат", а сейчас репетирует Скалозуба в "Горе от ума"...

- Вы из театральной семьи. Почему ваша первая профессия не связана с театром?

- Когда-то в детстве мы с мамой и братом участвовали в спиритическом сеансе. Тогда у меня была мысль стать режиссером. Спрашиваю: "Буду я режиссером?" На блюдечке: "Да-а, будешь". - "Хорошим буду режиссером?" - Остановилось. - "Ну что, средним?" - Молчит. - "Посредственным?" - "Да-а-а..." И я решил, что режиссером не буду никогда. Хотел поступать в Мухинское училище на дизайн, но для этого надо было что-то уметь делать руками. Вот и пошел в ПТУ, отучился четыре года и получил диплом столяра-краснодеревщика. Очень этим горжусь. После армии устроился в Малый оперный монтировщиком. Там было два входа: один - для рабочих, другой - для артистов. Мы с приятелем как-то пошли, а вахтерша нам: "Куда претесь?! Вы ведь не актеры, монтировщики!" Я подумал: "Да-а, тетенька, ты еще

будешь дорожку стелить, когда я пойду..."

- Самолюбие выиграло?

- Да. Мне просто стало обидно за всех.

- А сейчас?

- И сейчас мне очень не нравится, когда на гастролях монтировщики в одном здании живут, актеры - в другом. Я не понимаю: что за разделение такое?

- В институт поступать кто-нибудь помогал?

- Нет. Папа предлагал: "Давай я тебе программу сделаю..." Я говорю: "Не надо, поступаю я, а не ты". И поступил к Игорю Олеговичу Горбачеву...

- Какой период обучения вам наиболее запомнился?

- Один из наших дипломных спектаклей - "Сон в летнюю ночь", который ставил Хайнс Люк из Гамбурга. Так просто все было сделано, и малыми средствами достигнут хороший результат. У нас и до этого были студенческие работы, и я думал: неужели нет такого спектакля,

Вместо театральных тусовок Дмитрий Воробьев любит собирать грибы

где артисты не надрываются, кишками не играют, а зрители получают удовольствие?! Ведь когда эмоция актером накручивается, на это не очень приятно смотреть. Кто-то хорошо истеричует, кто-то плохо, но я считаю, что это к искусству мало отношения имеет.

- Учеников Горбачева зачисляли в труппу Александринки автоматически?

- Нет. После института все делают какие-то работы, чтобы показываться в театры. Я решил, что подыграю другим - может, и возьмут меня со всеми. И вот я то из шкафа выпаду, то в платочек высморкаюсь. Горбачев говорит: "Нам бы хоте-

сказала? В общем, что я тормозной - сонный и скучный. А надо было суетиться, бегать, танцевать, петь, всех смешить. Что я хорошо делать не умею... А сыграл - "Да-а, смешно. Ничего, молодец, молодец..." С молодым Вициным сравнивали. Потом назначили на Печорина. Все говорят: не получится, там мужское начало очень сильное, а он - ну Бальзаминов себе и Бальзаминов... После того как сыграл - все изменилось. Правда, сейчас со Скалозубом то же самое: "Да ну, почему Скалозуб-то? Непонятно".

- А вас не удивило назначение на эту роль?

- Удивило. Праудин выстраивает спектакли так, что Фамусов и Скалозуб - два равных персонажа, два крутых мафиозника, и мне быть равным мафиозником с Виктором Федоровичем Смирновым очень трудно, потому что у него мощные данные. Меня назвали как-то "мальчик-веревочка", и мне, играя Скалозуба, надо будет на уши вставать, чтобы поверили.

- А какую роль вы предвкушали, прежде чем вывелись распределение?

- Молчалина. Меня уже поздравляли с этой ролью, все видели меня Молчалиным. Но мне нравится менять мнение людей о себе.

- Помните, вы назвали Анатолия Праудина "Мастером"...

- (Хитрый прищур, озорной взгляд из-под челки.) Это мы издаваемся друг над другом.

- Вот как?

- Конечно. Не я первый начал. Он сам меня так назвал. А если серьезно, когда мы встретились в работе с Анатолием Аркадьевичем Праудиным, я понял, что он - мой режиссер, потому что у нас очень близкие ощущения театра. Театр - это не жизнь, это такая мечта... Сейчас

много "черных" спектаклей, и мне это неинтересно.

- Как Праудин выстраивает репетиции?

- Он очень любит показывать, говорит: "Я тенденцию показываю, а не как надо играть..." Потом приходится показывать ему, что он показал, а потом задумываться... Потом все поменять, как мне нравится, а он будет думать, что это он сам все сделал. Ну и пусть (смеется).

- С кем бы вы еще согласились работать, кроме Праудина?

- С Галибиным стал бы, если бы он меня пригласил. Его "Лафюнг ин дер люфт" мне очень нравится. Интересно же работать с людьми, у которых свое мировоззрение.

- Склонны ли вы к борьбе за роли? (На лице актера - неподдельный ужас.)

- Нет!

- Я имею в виду творческую инициативу: сами что-то предпринимаете или ждете, пока пригласят?

- Наверное, жду... Я никогда не огорчался, если меня не назначили на какую-нибудь роль.

- Театр - это способ уйти от жизни, продолжение жизни или что-то еще?

- (Очень долгая пауза). Театр - это, наверное, чтоб интересно было жить. Нет, на сцене как-то проще, чем в жизни.

- Ваша творческая жизнь складывается счастливо?

- Я считаю, что да. Пока у тебя есть режиссер - лучше быть не может. Как он появился - сразу стало легко и хорошо. Но всегда, наверное, хочется большего.

- А чего боитесь?

- Боюсь сломаться. Меня всегда раздражает зависимость людей от начальства, от режиссеров. Я понимаю, отчего все это происходит: сам-то я пока не знаю, что такое сидеть без зарплаты.

- Как относитесь к театральным тусовкам?

- А я их не знаю совсем. Правда. Я грибы люблю собирать.

Беседовала
Наталья
ХЕНТУЛАЙНЕН

- Нет!

Фото автора